

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2024.97.3.002

Б. Н. Флоря

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. ritlen@mail.ru

О ВАЖНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И РОССИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье сопоставляются пути социально-политического развития общества и государства Древней Руси и России и государств Центральной Европы в эпоху раннего и развитого Средневековья, отмечаются сходство и различие и намечаются вопросы для будущих исследований темы.

Ключевые слова: социальная организация общества, государственная власть, система управления, социальная элита, городское население

При рассмотрении вопроса об особенностях исторического пути Древней Руси в эпоху раннего, а затем России в эпоху развитого Средневековья следует исходить из того, как представляется, серьезно обоснованного предположения, что в Центральной и Восточной Европе в эпоху раннего Средневековья функционировал единый тип социальной организации общества. Наиболее подробная характеристика этого типа социальной организации дана в исследованиях польского медиевиста К. Модзелевского [Modzelewski, 1975; Modzelewski, 1987].

В таком обществе господствующей социальной группой была так называемая «большая дружина» – сообщество воинов, подчиненное правителю, образующее аппарат управления и являющееся главной вооруженной силой в стране. Это сообщество воинов содержалось за счет доходов от централизованной эксплуатации сельских общин и зарождавшегося городского населения. Для удовлетворения разнообразных потребностей воинов-дружинников была создана путем предоставления особого статуса части подданных так называемая «служебная организация». В рамках этой модели церковные учреждения содержались за счет десятины от доходов правителя. Интересы носителей власти и социальной элиты совпадали.

Предпринятые исследования позволили установить существование в Древней Руси таких важных компонентов модели, как «большая дружина» [Горский], «служебная организация» [Флоря, 1992], княжеская десятина как источник содержания церкви [Щапов, с. 78–86]. Это позволяет поставить вопрос, не следует ли рассматривать Центральную и Восточную Европу в эпоху раннего Средневековья как единый регион.

Сложение такого типа социальной организации было результатом внутреннего развития «варварского» общества, не испытывавшего влияния позднеимской цивилизации.

На этом фоне особенно заметно выступает существование в домонгольской Руси «городов-государств», таких как Новгород и Полоцк, когда централизованную эксплуатацию населения осуществляют совместно княжеская власть и община города – главного центра «земли» [Янин; Флоря, 2021, с. 196–197, 219–221], определяющая условия своего существования с княжеской властью¹. Характер отношений княжеской власти и городского населения рисуется довольно четко, но причины сложения такой системы отношений остаются неясными.

Вопрос о причинах таких отклонений от общей модели заслуживает особого внимания, тем более что в странах Центральной Европы подобные явления не фиксируются. Вопрос заслуживает особого внимания и потому, что уже русские исследователи XIX в. отметили активные выступления населения главных центров «земель» домонгольской Руси в борьбе членов рода Рюриковичей за обладание княжескими столами и в Киеве, и во Владимире на Клязьме, где не сложилась модель «города-государства» [Флоря, 2012]. Такие явления в странах Центральной Европы также не фиксируются до наступления в XIII в. эпохи колонизации на «немецком праве».

Представляется также важным сопоставить описанный выше тип социальной организации общества с таким типом социальной организации общества, который существовал в эпоху раннего Средневековья на территории Скандинавии – в Швеции и Норвегии в сходных исторических условиях некаролингской Европы. Как представляется, так появились бы новые возможности для оценки роли норманнов в образовании Древнерусского государства.

Вторая половина XII – XIII в. стали временем, когда в странах Центральной Европы произошла серьезная перестройка социальной организации общества. Церковные учреждения (епископства, монастыри, соборы), а затем и воины-дружинники превратились в землевладельцев со своими владениями, подданными, источниками доходов. В состав их владений вошла значительная часть земельного фонда. Владения эти приобрели широкий податный и судебный иммунитет, полноту судебной власти над подданными. В этих условиях система централизованной эксплуатации населения распалась. Распалась, в частности, и «служебная организация». Поселения со «служебным» населением стали объектом пожалования землевладельцам. Уже со второй половины XII в. в Польше это привело к конфликту духовных и светских землевладельцев с княжеской властью, пытавшейся сохранить прежние позиции, и ее поражению².

Произошло заметное сближение социальной структуры общества стран Центральной Европы с социальной структурой общества их западных соседей.

На рубеже XIII–XIV вв. эти перемены закономерно привели к признанию привилегированного статуса собственности церкви и «благородных» светских землевладельцев и пересмотру их отношений с государственной властью. Предложения об уплате налогов воспринимаются как нарушение «свободы» землевладельцев. К этому следует добавить быстрый рост городов как крупных центров ремесла и торговли, приобретение ими самоуправления на своем особом праве³.

Уже к началу XIV в. относятся попытки патрициата наиболее крупных центров – Праги и Кракова – выступать в качестве самостоятельной политической силы, что, правда, не привело к успеху⁴.

Перемены в отношениях государственной власти и церковных и светских землевладельцев получили отражение в важных государственных актах XIV в. В 1291 г., заняв трон Малой

¹ См. об этом: [Лукин, гл. 1–11].

² См. об этом: [Флоря, 2007а].

³ На польском материале эти перемены охарактеризованы Р. Гродецким [Grodecki, s. 117–474]; для Чехии см.: [Fiala, s. 159–235].

⁴ О попытке чешского патрициата в 1309 г. приблизиться к политической власти см.: [Šusta, s. 31–41].

Польши, чешский король Вацлав II обязался назначать на должности только по совету епископа и баронов и лишь с их согласия вводить новые налоги⁵. Пожалования чешскому панству короля Яна Люксембургского в 1310–1311 гг. освобождали его от обязанности нести военную службу вне границ земли. Монарх обязывался собирать налоги с дворянских владений только в чрезвычайных ситуациях и при этом от плат освобождалась «господская земля»⁶. В 1374 г. в Польше был принят привилей короля Людовика, согласно которому шляхтич был обязан платить только раз в год 2 гроша с полного крестьянского надела. Это означало, что, нуждаясь в деньгах, власть должна была добиваться согласия шляхты на сбор налогов [Bardach, s. 423–424, 470].

Есть основания полагать, что аналогичные сдвиги намечались и в жизни домонгольской Руси раннего XIII в. Конфликты слоя крупных землевладельцев с княжеской властью, как известно, приобретали особо острую форму в Галицко-Волынской Руси, где имели место и казни многих бояр, и уникальная для всей восточной части Европы публичная казнь князей, которые были повешены⁷.

Не сохранилось комплекса документальных источников, которые отражали бы социальную жизнь Восточной Европы в XIII – первой половине XIV в. Лишь источники второй половины XIV – первой половины XV в. и их ретроспективный анализ позволяют судить, перемены какого характера произошли в социальной организации восточнославянского общества. Здесь также церковные учреждения (епископства, монастыри) и дружинники превратились в землевладельцев, обладавших судебной-административной властью над зависимым населением, о чем говорят уже наиболее ранние сохранившиеся жалованные грамоты. Однако характер отношений этих слоев населения с государственной властью заметно отличался от тех отношений, которые сложились в странах Центральной Европы.

Такие документы XIV в., как договор Василия Дмитриевича с митрополитом Киприаном, жалованные грамоты Тверскому Отрочу и Спасо-Ярославскому монастырям⁸, говорят о наличии у этих церковных учреждений владений с зависимым населением, обладавших немалым податным и судебным иммунитетом. Вместе с тем грамота начала XIV в. Рязанской епископской кафедре не давала каких-либо освобождений от обязанностей по отношению к государству⁹. Но, несмотря на приобретение церковными учреждениями особых источников доходов, сохранялся установившийся еще в эпоху раннего Средневековья патронат княжеской власти над этими учреждениями. В «докончании» с митрополитом Киприаном великий князь Василий Дмитриевич регулировал характер отношений между митрополичьей кафедрой и приходским духовенством. В грамоте великого князя литовского Витовта конца XIV в. монастырю Рождества Богородицы в Троках он освобождал братию монастыря от обязанности давать митрополиту «зборную куницу»¹⁰. В 1522 г. король Сигизмунд I утвердил установление общежитийного устава в Киево-Печерском монастыре¹¹. Эти права правители Великого княжества Литовского унаследовали от своих древнерусских предшественников и сохраняли за собой в течение длительного времени. Польская и чешская церкви при поддержке Ватикана не только приобрели широкий судебный и податный иммунитет, но и уже в XIII в. освободились от вмешательства в их внутреннюю жизнь светской власти.

⁵ Об этом документе см.: [Grodecki, s. 183–191].

⁶ См. об этом: [Šusta, s. 131–136, 153–155].

⁷ См. об этом: [Флоря, 2014, с. 11–12].

⁸ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 6, 116, 190.

⁹ См.: Морозов Б. Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 299–300.

¹⁰ Vitoldiana: Codex privilegiorum Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1386–1430. Warszawa; Poznań, 1986. № 212.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. № 112.

К сожалению, имеющиеся источники Великого княжества Московского не позволяют представить во всей полноте отношения светских землевладельцев с великокняжеской властью. Среди жалованных грамот XV в. светским лицам, дошедших в составе церковных архивов и родословных росписей, отсутствуют пожалования представителям знати, но тем не менее они позволяют судить о положении основной массы землевладельцев. Можно отметить ряд общих мер, повторяющихся в документах¹², которые предусматривали освобождение владения от транспортных повинностей («ни ям, ни подвода»), от работ в великокняжеском хозяйстве, от кормов наместникам и волостелям, но освобождение от главного государственного налога – «дани» – давалось только на определенный срок. Известны, однако, и акты, освобождавшие владения только от кормов наместникам и волостелям¹³. В грамотах рязанских князей вообще освобождение от «тягости» давалось только на определенный срок, постоянного освобождения от каких-либо поборов и повинностей не было. Что касается административно-судебной власти, то можно отметить, что в отдельных случаях землевладелец получал суд «опроче душегубства»¹⁴, но чаще судебная власть предоставлялась «опрочь душегубства и разбоя и татбы с поличным»¹⁵. Таким образом, суд по главным уголовным преступлениям находился в руках представителей власти.

Исследование жалованных грамот второй половины XIV – раннего XV в. местным землевладельцам Галицкой земли, вошедшей в состав Польского королевства, показало, что они не обладали теми правами, которыми пользовалась польская шляхта. Они не могли распоряжаться своей собственностью без санкции правителя, должны были нести воинскую службу без каких-либо ограничений (польской шляхте полагалось вознаграждение за участие в походах в другие страны). Кроме того, на их владениях лежали различные дани и повинности в пользу государственной власти. Местная шляхта не обладала органами дворянского самоуправления [Грушевский, с. 74–84].

Сходным было и положение в Великом княжестве Литовском по данным источников конца XIV – начала XV в. О существовавшей здесь системе обложения говорит привилей Виленскому католическому епископству 1387 г.¹⁶, освобождавший от нее владения епископства. С земель светских землевладельцев собирался главный налог – «серебрщина» («strzebrzczyzna»), а также оброки хлебом («дякло») и сеном, строительство крепостей и мостов, транспортные повинности («podwodis»), работы в великокняжеском хозяйстве. Одновременно владения епископства освобождались от власти княжеских судей, но в грамотах великого князя Витовта светским землевладельцам отмечалась их обязанность выполнять «omnia servitia, contributions et exactions terrestras»¹⁷.

Естественно, что в этих условиях большая часть земельного фонда продолжала находиться в руках государственной власти. Как показало изучение документальных архивов Великого княжества Литовского, вплоть до XV в. в руках представителей знати не было крупных, компактно расположенных комплексов [Łowmiański, s. 148–153]. Владения представителей московской знати были также невелики и разбросаны по разным территориям [Веселовский, с. 55, 60].

Еще в середине XVI в. в Русском государстве размер возмещения за «бесчестье» зависел от размера доходов, которые боярин или сын боярский получал от кормления (ст. 26 Судебника

¹² АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 224, 236; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т. 1. № 118, 137.

¹³ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2008. Т. 4. № 414 (1433/1434 г.).

¹⁴ См., например: АСЭИ. Т. 1. № 224; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. № 312.

¹⁵ См.: АСЭИ. Т. 1. № 236; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. № 118, 137; Т. 4. № 334;

и др.

¹⁶ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej. Kraków, 1948. Т. 1. (1387–1507). № 6.

¹⁷ Vitoldiana: Codex privilegiorum Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1386–1430. № 90, 111, 113, 115.

1550 г.). Следовательно, и в это время доход от «кормлений» – управления государственными землями – являлся важным источником существования светских землевладельцев.

В Великом княжестве Литовском еще в раннем XVI в. в «привилеях» отдельных земель отмечалось право местных землевладельцев на получение «кормлений» на его территории [Любовский, с. 346, 354]. Таким образом, сохранялась традиционная система управления.

Выявляются серьезные различия и в положении других слоев общества. Есть основания полагать, что к XVI в. торгово-ремесленное население древнерусских городов сложилось в особую общность, отличную по своему положению от сельского населения. В использовавшейся в Москве краткой редакции «Устава Ярослава» за оскорбление жене горожанина полагалось 3 гривны серебра, а жене крестьянина – 1 гривна¹⁸. Однако это население на территории Восточной Европы не получило самоуправления, подчиняясь суду и управлению княжеских наместников, пока отдельные центры в Галицкой земле и Великом княжестве Литовском не приобрели самоуправление на «немецком» праве в конце XIV – XV в. первоначально для отдельных поселений иностранных колонистов.

В русских источниках второй половины XIII – раннего XIV в. еще встречаются известия о выступлениях вечевых собраний городского населения. Так, в 1305 г. «бысть вече в Костроме на бояр»¹⁹. Но о высокой степени подчинения населения государственной власти говорит отразившаяся в докончаниях московских князей XIV в. практика принудительной мобилизации мастеров из среды городского населения для работы в великокняжеском хозяйстве в составе «служебного» населения [Флоря, 1992, с. 68 и сл.]. «Служебная» организация, сошедшая со сцены в странах Центральной Европы, продолжала во многих своих компонентах сохраняться на всей территории Восточной Европы не только в XIV–XV, но и в первой половине XVI в. [Флоря, 1992, с. 60 и сл.].

Таким образом, перестройка организации общества в Восточной Европе в XIII–XIV вв. не была столь масштабной, как в странах Центральной Европы, и не привела к глубокому изменению отношений княжеской власти со светскими и духовными землевладельцами.

Как представляется, весьма важно было бы сосредоточить усилия специалистов по русской истории, археологов и ориенталистов на рассмотрении вопроса, в какой мере формирование охарактеризованных выше различий при отходе от первоначальной общей модели было связано с татаро-монгольским завоеванием и подчинением древнерусских земель Золотой Орде.

Разрушение большей части городов и упадок городской жизни, убыль населения и запустение обширных территорий – все это, как представляется, способствовало и подчинению торгово-ремесленного населения городов княжеской власти, и не только сохранению, но и оживлению деятельности ряда важных компонентов «служебной организации».

Вероятно, следует и рассмотреть вопрос, как влияла на отношения власти с церковными и светскими землевладельцами практика регулярных выплат тяжелого ордынского «выхода», оплачивавшегося всем населением кроме духовных лиц (это не касалось населения их владений). Заслуживают также внимания наблюдения молдавских историков над социальными последствиями уплаты все время увеличивавшейся османской дани. Это приводило к образованию целого слоя людей, так называемых «резешей», обладавших всеми правами дворянина, но не имевших подданных. Существование такого слоя на Руси источники не фиксируют, но, как представляется, есть основания предполагать, что уплата дани создавала определенные препятствия на пути роста землевладения светских лиц и это должно было способствовать их кон-

¹⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1971. С. 113.

¹⁹ Приселков М. Д. Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 352.

солидации вокруг княжеской власти. Необходимо отметить и другое важное обстоятельство. В таких условиях трудно было сформироваться представлению о церковной собственности и собственности «благородных» светских лиц как собственности, «свободной» от налогов и повинностей по отношению к государству.

На общем фоне снова выделяется Новгородская земля. Именно во время ее зависимости от Золотой Орды в жизни новгородского общества и государства происходят изменения, которые сближают развитие этого общества и его институтов с развитием государств Центральной Европы. Большая часть земельного фонда превращалась во владения бояр и «житьих» людей, традиционная система управления распалась, позиции княжеской власти становились все более слабыми [Флоря, 2011]. Действия каких факторов способствовали такой эволюции новгородского общества?

Если в XIV в. есть основания, хотя и с некоторыми оговорками, рассматривать Восточную Европу как единое социокультурное пространство, заметно отличное от аналогичного пространства в странах Западной Европы, то в XV в. ситуация в разных частях Восточной Европы начала становиться принципиально различной. В Великом княжестве Литовском имели место существенные новации. Как уже говорилось, владения католического епископства в Вильно (около 100 деревень к 1430 г.) получили полный податный и судебный иммунитет, каким пользовались учреждения католической церкви в других странах. Но это не касалось иных церковных учреждений, а сама деятельность епископов была направлена в конце XIV – XV в. на создание сети приходов на территории принявших христианство литовцев.

Другой важной новацией стало предоставление городского самоуправления ряду городов Великого княжества Литовского, но самоуправление в раннем XV в. предоставлялось лишь приходившим иностранным колонистам – католикам, и его действие не распространялось на остальное городское население [Флоря, 2007б, с. 321–323].

Еще одной важной новацией стал привилей 1387 г. великого князя Ягайло принявшему католицизм литовскому боярству²⁰. Этим документом Ягайло дал боярам право свободно распорядиться своей собственностью и освободил население их владений от работы в великокняжеском хозяйстве. Разумеется, важно само появление такого документа, предоставляющего совокупности литовских бояр определенные права, но принципиально они характер отношений этих бояр со властью не меняли и касались только части боярства Великого княжества Литовского, принявшей католическую религию. Эти новации не создавали качественных различий в характере отношений государственной власти и дворянского сословия.

Власть великого князя и в раннем XV в. оставалась весьма значительной. Бояре подвергались самым суровым наказаниям (вплоть до смертной казни) за служебные проступки. Разбирая эти свидетельства, Г. Ловмянский отметил, что власть великого литовского князя Витовта была более сильной, чем власть московских князей [Łowmiański, s. 368–369]. Но в середине XV в. произошла коренная перестройка отношений между государственной властью и светскими землевладельцами Великого княжества Литовского. Эти перемены нашли свое выражение в привилее 1447 г.²¹, когда все «благородные» землевладельцы Великого княжества получили для своих владений освобождение «от всего даниа и заплаты», прежде всего от главного денежного налога – «серебрщины», от хлебного оброка – «дякла», «сенокосения и иных несправедливых работ». Сохранялись лишь обязанности по строительству и укреплению городов, строительству и ремонту мостов. Одновременно землевладельцы приобрели всю полноту власти над своими подданными. Оценивая эти нормы привилея, М. К. Любавский

²⁰ *Działyński A. T. Zbiór praw litewskich.* Poznań, 1841. S. 1–2.

²¹ Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI вв. Л., 1936. № 1.

писал: «Благодаря этим уступкам добрая половина населения, если не большинство, совсем вышла из-под непосредственной власти великого князя и попала под власть землевладельцев» [Любавский, с. 72–73]. Лишенный постоянных налогов, великий князь оказался в зависимости от «доброй воли» землевладельцев. Так закладывались основы сословно-представительной монархии, в которой возможности государственной власти были серьезно ограничены. Тем самым социально-политический строй Великого княжества приближался к центральноевропейской модели.

Перемены, ведущие в противоположном направлении, имели место в Русском государстве на рубеже XV–XVI вв. С 90-х гг. XV и для первых десятилетий XVI в. сохранились десятки грамот, по которым землевладельцы получали судебную власть («опричь душегубства и разбоя») и никаких освобождений от обязанностей по отношению к государству [Каштанов, с. 12–15]. Грамот иного содержания нет. Среди получателей грамот фигурирует ряд членов фамилий, входивших в середине XVI в. в состав царского «двора». Разумеется, знать, пожалования которой и для этого времени отсутствуют, обладала податными и судебными привилегиями, но основная масса светских землевладельцев их явно не имела. Таким образом, на протяжении сравнительно короткого периода времени в двух частях Восточной Европы, еще недавно достаточно близких друг к другу по своей социально-экономической и социально-политической структуре, сложились две совершенно разные модели отношений между государственной властью и формирующимся в обеих странах дворянским сословием.

Некоторые различия между обществами со временем сглаживались. Так, в Великом княжестве Литовском мещанство, несмотря на самоуправление, не приобрело важного самостоятельного места в обществе, а государственной власти удалось утвердить «смягченный» патронат над католическими церковными учреждениями. Но разница между моделями отношений светских землевладельцев и государственной власти продолжала углубляться.

Под воздействием каких факторов формировались эти различия? Почему в Великом княжестве Литовском успехов добилось дворянство, а в России – государственная власть? Конечно, в Великом княжестве большую роль играло влияние, идущее от соседней Польши, с которой оно было связано династической унией. В привилее 1447 г. (латинском варианте) прямо указывалось, что дворяне Великого княжества получают «libertates et immunitates», которыми пользуются «barones, principes, nobiles ... regni Poloniae»²². Достаточно ли было, однако, этого влияния для получения такого значительного результата?

Вопрос о быстром формировании столь глубоких и радикальных различий со всей остротой встал перед М. К. Любавским, когда он завершал свой курс истории Великого княжества. Разумеется, он учитывал роль польского влияния, но отмечал и другой, по его мнению, важный фактор [Любавский, с. 294–295]. Великое княжество Литовское, по его мнению, сформировалось «на более устойчивом... общественном материале, чем государство Московское... Общество Северо-Восточной Руси было жидкое, текучее, не кристаллизовавшееся в устойчивые ячейки». Оно отличалось от общества Западной Руси, где «сидели на старом корню... все общественные отношения и связи были здесь устойчивее и крепче». Поэтому великий князь московский, «утвердивший свою власть над таким неустойчивым и подвижным обществом, легко прибрал его к своим рукам». Свои доводы, возникшие явно под воздействием идей «государственной школы», М. К. Любавский не сопроводил какими-либо конкретными доказательствами, и, как представляется, имело бы смысл проверить его гипотезу, обращаясь к данным археологии, но поиски ответа на вопрос, который поставил и пытался решить М. К. Любавский, имеют важное, принципиальное значение. Необходимо попытаться выяснить, почему успехи

²² Там же. С. 4.

дворянства в Великом княжестве Литовском последовали вскоре после усиления центральной власти в правление Витовта и почему политика Ивана III, направленная на серьезное укрепление его власти, завершилась успехом и не столкнулась с организованным сопротивлением.

Литература

- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с., 1 л. портр.
- Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. 120, [3] с.
- Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1994. Т. 5. 687 с.
- Каиштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967. 392 с.
- Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. 607 с.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных великому княжеству Литовскому и его областям. М., 1910. [4], 376, II, [2] с.
- Флоря Б. Н. «Служебная организация», ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.
- Флоря Б. Н. Хроника Винцента Кадлубка о переломе в жизни польского общества на переходе от раннего к развитому Средневековью // Средние века. 2007. Вып. 68. № 4. С. 92–106. [Флоря, 2007а]
- Флоря Б. Н. Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором // Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 301–434. [Флоря, 2007б]
- Флоря Б. Н. Поздний Новгород и Чехия Ягеллонов (попытка сравнительного сопоставления) // Средние века. 2011. Вып. 72. № 3–4. С. 9–26.
- Флоря Б. Н. Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 25–37.
- Флоря Б. Н. Общественная мысль Древней Руси в XIII–XIV вв. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014. С. 9–140.
- Флоря Б. Н. Лекции по русской истории. М., 2021. 544 с.
- Щапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. 228, [3] с.
- Янин В. А. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 149, [2] с.
- Bardach J. Historia państwa i prawa Polski. Warszawa, 1965. T. 1. Do połowy XV wieku. 767 s.
- Fiala Z. Přemyslovské Čechy. Praha, 1975. 245 s.
- Grodecki R. Dzieje wewnętrzne Polski XIII w. // Grodecki R. Polska Piastowska. Warszawa, 1969. S. 117–474.
- Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. 579 s.
- Modzelewski K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. X–XIII wiek. Wrocław, 1975. 389 s.
- Modzelewski K. Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. Wrocław, 1987. 295 s.
- Šusta J. Král cizinec. Praha, 1939. 602 s.

References

- Bardach, J. Historia państwa i prawa Polski. Warszawa, 1965. T. 1. Do połowy XV wieku. 767 s.
- Fiala, Z. Přemyslovské Čechy. Praha, 1975. 245 s.
- Florya, B. N. “Sluzhebnyaya organizatsiya”, ee rol’ v razvitii feodal’nogo obshchestva u vostochnykh i zapadnykh slavyan [“Sluzhebnyaya organizatsiya” and Its Role in the Evolution of Feudal Society of Eastern and West Slavs]. In *Otechestvennaya istoriya*. 1992. No. 2. Pp. 56–74.
- Florya, B. N. Khronika Vintsenta Kadlubka o perelome v zhizni pol’skogo obshchestva na perekhode ot ranego k razvitomu Srednevekov’yu [The Chronicle of Vincent Kadlubek about the Break in the Life of Polish Society in Transition from Early to Developed Middle Ages]. In *Srednie veka*. 2007. Issue 68. No. 4. Pp. 92–106. [Florya, 2007a]

- Florya, B. N. Pravoslavnyi mir Vostochnoi Evropy pered istoricheskim vyborom [The Orthodox World of Eastern Europe before the Historical Choice]. In *Florya, B. N. Issledovaniya po istorii tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e*. Moscow, 2007. Pp. 301–434. [Florya, 2007b]
- Florya, B. N. Pozdnii Novgorod i Chekhiya Yagellonov (popytka sravnitel'nogo sopostavleniya) [The Late Novgorod and the Bohemia of Jagiellons (Attempt of Compare)]. In *Srednie veka*. 2011. Issue 72. No. 3–4. Pp. 9–26.
- Florya, B. N. Predstavleniya ob otnosheniyakh vlasti i obshchestva v Drevnei Rusi (XII – nachalo XIII vv.) [The Ideas about the Relations between the Power and Society in Old Rus (12th – the Beginning of the 13th Centuries)]. In *Vlast' i obshchestvo v literaturnykh tekstakh Drevnei Rusi i drugikh slavyanskikh stran (XII–XIII vv.)*. Moscow, 2012. Pp. 25–37.
- Florya, B. N. Obshchestvennaya mysl' Drevnei Rusi v XIII–XIV vv. [Social Thought of Old Rus in the 12th – 14th Centuries]. In *Obshchestvennaya mysl' v Rossii i drugikh slavyanskikh stranakh v epokhu razvitogo srednevekov'ya*. Moscow, 2014. Pp. 9–140.
- Florya, B. N. Lektsii po russkoi istorii [Lectures about Russian History]. Moscow, 2021. 544 p.
- Gorskii, A. A. Drevnerusskaya družhina [Old Russian Body-Guard]. Moscow, 1989. 120, [3] p.
- Grodecki, R. Dzieje wewnętrzne Polski XIII w. In *Grodecki R. Polska Piastowska*. Warszawa, 1969. S. 117–474.
- Grushevs'kii, M. S. Ictoriya Ukraini-Rusi [The History of Ukraina-Rus]. Kiev, 1994. Vol. 5. 687 p.
- Kashtanov, S. M. Sotsial'no-politicheskaya istoriya Rossii kontsa XV – pervoi poloviny XVI veka [Social-Political History of Russia of the End of the 15th – the First Half of the 16th Century]. Moscow, 1967. 392 p.
- Lukin, P. V. Novgorodskoe veche [The Veche of Novgorod]. Moscow, 2014. 607 p.
- Lyubavskii, M. K. Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublinskoi unii vklyuchitel'no. S prilozheniem teksta khartii, vydannykh velikomu knyazhestvu Litovskomu i ego oblastyam [Essay on the History of the Lithuanian-Russian State up to and including the Union of Lublin. With the Attachment of the Text of the Charters Issued to the Grand Duchy of Lithuania and Its Regions]. Moscow, 1910. [4], 376, II, [2] p.
- Łowmiański, H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. 579 s.
- Modzelewski, K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. X–XIII wiek. Wrocław, 1975. 389 s.
- Modzelewski, K. Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. Wrocław, 1987. 295 s.
- Shchapov, Ya. N. Gosudarstvo i tserkov' v Drevnei Rusi X–XIII vv. [The State and Church in the Old Rus in the 10th – 13th Centuries]. Moscow, 1989. 228, [3] p.
- Šusta, J. Král cizinec. Praha, 1939. 602 s.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Research on the History of the Class of Serving Landowners]. Moscow, 1969. 583 p., 1 l. of portr.
- Yanin, V. L. U istokov novgorodskoi gosudarstvennosti [At the Origins of the Novgorod Statehood]. Veliky Novgorod, 2001. 149, [2] p.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABOUT THE IMPORTANT PARTICULARITIES OF THE HISTORICAL WAY
OF THE OLD RUS AND RUSSIA IN THE MIDDLE AGES

The article compares the ways of social-politic evolution of the society and state in Old Rus and Russia and of the states of Central Europe in the early and developed Middle Ages, notes similarities and differences, and raises questions for future research on the topic.

Keywords: social organization of society, system of government, power of the state, social elite, population of towns

